

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И57

Инбер, Вера Михайловна.

И57 Почти три года. Ленинградский дневник /
В.М. Инбер. — Москва : Издательство АСТ, 2020. —
320 с. — (75 лет Великой Победы).

ISBN 978-5-17-119726-1

«Оказывается, дома от газов взрывной волны меняют окраску: так человек меняется в лице от потрясения.»

Дневниковые записи русской поэтессы и переводчицы Веры Инбер в полной мере передают трагизм блокадного Ленинграда. Подкосившиеся ноги — это от страха, когда разрывается бомба рядом. Смех и слезы — это от счастья, когда прибавили 75 граммов хлеба.

«Обглоданы голодом» — так описывает автор людей в кольце блокады, людей, из последних сил боровшихся за свою и за нашу свободу.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ В ЛЕНИНГРАД

22 июля 1941 года

Москва

Кресты на окнах. Боевое ночное крещение.

25 июля 1941 года

*Когда-нибудь, но только будь,
Прекрасное то время...*

28 июля 1941 года

*Москва, которую мы знали,
Ее (спокойный) горизонт,
Москва...
Преобразилась: это фронт.*

2 августа 1941 года

*Астролог Гитлера...
Одну лишь он не принял во внимание –
Пятиконечную звезду.*

8 августа 1941 года

Необычная роспись Москвы. Падающая звезда, похожая на ракету. Женщина — с кастрюлей на голове вместо каски — тушит бомбы.

10 августа 1941 года

В бомбоубежище под «Национален» во время тревоги Колдуэлл с записной книжкой.

Бомба страшной силы упала у Никитских ворот на памятник Тимирязева и вбила его в землю.

В ПУТИ

*22 августа 1941 года
Поезд Москва – Ленинград
Разъезд М 7*

Две бомбовые воронки, слившиеся в одну громадную, разбитая цистерна, земля, бурая от нефти, сгоревший паровоз под откосом. И тут же довоенная надпись: «За курение – под суд!» Заплаканная беременная стрелочница (вот-вот родит) тоскливо держит флажок...

Мы снова стоим. Укрытые березовыми ветвями, идут навстречу товарные платформы с машинами и частями машин: это ленинградские заводы. И по степени свежести ветвей можно судить о времени, проведенном поездами в пути.

Маховики, станки, большие и малые зубчатые колеса, плоскости, треугольники. Отдельные части смазаны жиром и обернуты пергаментной бумагой. За платформами – теплушки с семьями рабочих. В одной из них – дети на нарах. Ребячьи головы, тесно прижатые одна к другой, смотрят в окно теплушки. Ни одной улыбки.

В Москве мне рассказывали, что при поспешной эвакуации одних яслей каждому ребенку на-

писали на ручонке его имя химическим карандашом. Но по прибытии на место всех выкупали, смыв таким образом имена. Пришлось вызвать из Москвы матерей, чтобы они опознали своих детей.

А одно дитя так и осталось неопознанным.

Ох, Москва!.. Она не оставляет, следует за мной, ранит сердце. Все вспоминается мне мой полугодовалый внучонок Мишенька, как его увозили в полотняном картузике, великоватом для его головенки, в распашонке и кофточке.

Внесенный в детский вагон, он лежал спокойно, разглядывая всех блестящими глазенками и ухватив рукой собственную ножку. У меня не хватило сил еще раз войти в вагон взглянуть на него. Так и увезли...

Наш поезд тронулся наконец. Товарный — тоже. Он — из Ленинграда, мы — в Ленинград. Долго провожали друг друга глазами.

*23 августа 1941 года
Неизвестная станция*

Остановились на рассвете. И вот — стоим. Станция неизвестная, вокзал далеко. Ни самолета в воздухе, ни выстрела на земле. Уж лучше бы гремело и грохотало, все было бы легче.

Наш вагон неразговорчив, да и пустоват. В одном купе идет нескончаемый дорожный преферанс, но тихо, словно под сурдинку. Генерал-лейтенант, задумчиво насвистывая, объявляет масть. Военный инженер то и дело выстукивает трубку о край стола — тихий звук, похожий на постукивание дятла. Трубочный дымок выплывает в коридор, слотится, утончается, повисает в солнечном луче. Порой становится так тихо, что кажется — поезд идет по мху.

За все это время только в Волхове пролетели над нами два «ястребка» и прошел мимо небольшой отряд морской пехоты — сверкнули на солнце золотые якорьки... И все.

Справа и слева от рельсов — воронки, наполненные водой. Она здесь набегаёт быстро. Вдоль телеграфных столбов тоже воронки, но маленькие. Немцы бомбили экономно, по-немецки: крупные фугаски тратили только на полотно, а на линию телеграфных проводов клали бомбочки помельче.

Мертвый лес, опаленный разрывами. И в одном месте все деревья вывернуты корнями вверх. На опушке — березка. Ее кора с крапинками, скобочками, штрихами и точками напоминает стенограмму. Здесь вся история ее жизни. Теперь эта запись оборвана на полуслове: все обуглено, расщеплено, мертво...

Только что узнали название станции: Мга. Мы ведь вообще до войны этой дороги не знали, все ездили по Октябрьской. Теперь между Бологим и Тосно — уже немцы.

А здесь — какие смолистые, дремучие названия: Мга, Будогощь, Хвойная...

24 августа 1941 года

Утро

О, этот путь от Пестова до Мги! Фугасные воронки...

*Чем далее на север — тем все ярче
За соснами брусничная заря.
На станции какой-то древний старче
Нам указал на поле, говоря:
«А урожай-то, милые, каков —
Мы не запомним эдаких хлебов!»*

Чем далее на север...
О сене... Солнечная энергия, переработанная
в траву.

*Зажатая меж золота зоря,
Заката темно-красная нашивка.
И лес корней, как будто под землей
Находятся стада оленей.
И рельса, вставшая дугой,
И ты, красноармейская подруга,
Безропотная спутница бойца,
Гармоника (трехрядка),
Как сладко ропщешь ты.*

ЛЕНИНГРАД

24 августа 1941 года

Вечер

Первое, что мы здесь увидели, еще на вокзальной площади, — это расклеенное по стенам домов и залитое утренним солнцем обращение, подписанное Ждановым, Ворошиловым и Попковым: «Товарищи ленинградцы, дорогие друзья!..»

Оно появилось 21 августа, а Илья Давыдович уехал за мной в Москву 13-го. За эти дни положение Ленинграда резко ухудшилось. И все же мой муж правильно поступил. Он все время говорил: «Если случится война, мы должны быть вместе». И вот мы вместе.

26 августа 1941 года

Наша квартира на Песочной, на пятом этаже, — высокая, светлая, полупустая.

Только книжные полки и тарелки на стенах в изобилии. Неувядаемые елисаветинские и екатерининские розы, николаевский, синий с золотом, орнамент. Серо-белый фаянс. Хрупкое хозяйство. Куда с ним сейчас?!

Окна спальни и балкон выходят на Ботанический сад. Хотя еще жарко, но какие-то деревья

уже готовятся к осени: вырядились во все золотое и алое. А что еще будет в сентябре!..

С балкона хорошо видна громадная пальмовая оранжерея, вся из стекла. Зеленые газоны, аллеи... Народу в саду мало. Я еще не была там ни разу. Пойдем в воскресенье.

Дом, где мы живем, занят фармацевтическим институтом. Рядом с нами, за стеной, общежитие студенток. Здесь же, совсем близко, перейти только речку Карповку — Первый медицинский институт и его клиническая «база» — бывшая Петропавловская больница, а теперь больница имени Эрисмана.

Эрисман — человек большого сердца и ясно-го ума. Ученый-гигиенист, много сделавший для России.

Больница его имени и Первый медицинский институт — это целый городок: множество больших и мелких корпусов среди прекрасных старых деревьев времен еще «архиерейской рощи». Когда-то здесь было архиерейское подворье, а еще раньше — в эпоху основания Петербурга — мыза Феофана Прокоповича. Места, богатые воспоминаниями.

До войны И. Д. заведовал в институте одной из кафедр, а теперь назначен сюда директором.

27 августа 1941 года

Ответственный секретарь здешнего Союза писателей Кетлинская обрадовалась мне и тотчас же стала звонить на радио. Я пошла туда прямо из Союза и договорилась, что буду выступать на следующий день.

Передача называлась: «Москва — Ленинграду!»

Я начала ее так:

«Товарищи! Ленинградцы! Граждане города Ленина! Выступая в эти минуту перед вами, мне хочется передать вам привет от Москвы, от моего города, который в эти грозные дни так же мужествен и тверд, как ваш Ленинград. Так же отдает себе отчет о размерах опасности, нависшей над страной. И так же полон веры, что опасность эта будет преодолена, что враг будет разбит: Москва и Ленинград, как сестра и брат, подают друг другу руки, говоря: «Победа — за нами!» Я цитировала Герцена:

«Рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о Березине, о взятии Парижа были моею колыбельной песнью, детскими сказками, моей Илиадой и Одиссеей», — пишет Герцен. А теперь и мы думаем о том, перед сколькими поколениями наших потомков нынешние московские ночи встанут героическим эпосом, развернутся отечественной Одиссеей, русской Илиадой».

Закончила я так:

«Гитлеризм будет уничтожен, сметен с лица земли, а ты, Москва, родная, великая столица, сердце родины и колыбель героев, и ты, Ленинград, город, носящий имя Ленина, краса и гордость страны, — вы будете стоять непоколебимо, как стояли в веках».

Эту мою передачу слышали и слушали многие. Оля Ч. услышала ее в магазине, в очереди, и таким образом узнала, что я в Ленинграде.

28 августа 1941 года

Сегодня И.Д. встретил знакомого врача одного военного госпиталя, который неделю назад уехал из Ленинграда. Все это время госпиталь простоял в вагонах на путях, но уехать не смог, и вернулся обратно.

Дорога на Мгу, последняя наша дорога, перерезана немцами. Сама Мга взята на следующий день после нашего приезда.

1 сентября 1941 года

У нас по несколько тревог в день: десять, пятнадцать. Вернее — одна сплошная тревога с короткими перерывами. Но тихо, даже зениток не слышно. Все происходит где-то там, за горизонтом. Чувствуется, что «юнкерсы» ходят кругами на подступах к городу, а пробиться не могут. Но ведь может наступить такой день, когда они пробьются, как это было в Москве.

И, как назло, необычайно прекрасны тогда были московские закаты. Солнце алым шагом подтягивалось к горизонту. И, по мере того как оно опускалось, подымались аэростаты, словно один и тот же механизм заведовал этими спусками и подъемами.

Однажды, помню, луна взошла громадная, во все окно, неестественно розовая, вся какая-то словно восковая. И вмятины на ней, как отпечатки пальцев, точно ее держали в горячих руках.

И когда при этой луне завьли сирены, мне показалось, что наступил конец света.

Взяла пишущую машинку и стала спускаться в убежище. Иду по лестнице, а впереди сумасшедшая старуха. У нее умер муж, а она думает, что он остался в квартире. Идет и плачет:

«Он все время был со мной и вдруг отстал. А я еще его пальто надела. Как же он теперь без пальто?»

Я сошла вниз. Там какая-то чужая женщина, не из нашего дома, мечется в ужасе, ищет своего грудного ребенка, спрашивает всех — не видел ли кто? А ребенок у нее на руках, в платке.

В часы налетов я свою московскую квартиру не запирала на случай пожара от зажигалок: мой этаж был последний. Кроме того, дежурные по крыше приходили ко мне иногда пить воду.

Как-то я поднялась к себе еще до отбоя. У открытого окна стояли двое из наших жильцов, разговаривая вполголоса. Звезды, особенно блестящие, как это всегда бывает перед рассветом, словно влажные от росы, сияли над кремлевскими стенами. Вдали небо багровело от пожаров.

Я подошла, мы стояли втроем у окна, долго смотрели на это далекое пламя.

*Московских женщин голоса
Ко мне неслись через леса,
Через вечерние просторы...*

4 сентября 1941 года

Была в редакции военной газеты, как раз тогда, когда возвратились с передовых позиций заведующий редакцией, два наших московских писателя — Лев Славин и Михаил Светлов — и шофер.

Они входят в комнату. Все в шинелях, у каждого за поясом граната. У шофера, идущего сзади, их целых четыре. В руках у него ручной пулемет, который он ставит в угол, между диваном и шкафом, и машинистка, идущая за копиркой, с грохотом роняет его. Хорошо, что пулемет был на предохранителе!

Выложив гранаты на стол, приехавшие разворачивают карту и погружаются в нее. Все мрачно. Поездка была неудачна, наших потеснили. Немцы бомбили штаб нашей армии. Кроме того, все голодно.